

Анатолий Лавский

Перестройка

Пригласили всех. Руководителей колхозов и совхозов, секретарей партийных организаций, председателей профсоюзных комитетов и секретарей комсомольских организаций, директоров научных, учебных, лечебных, племенных, семенных и торговых организаций, их секретарей партийных и комсомольских организаций, их председателей профсоюзных комитетов. Пригласили всех желающих, кому не безразлична судьба страны. Будем разбираться: кто мы? Где мы? Куда шли? Куда пришли?

Всем было весело. Большой зал райисполкома на 250 мест быстро заполнился «народом». Приходили, занимали места на себя, на товарища, на сослуживца. Шутили. Впечатление было такое, будто люди пришли не на рабочее собрание, а в театр или на театральное представление посмотреть на артистов, а если повезёт, то и поучаствовать в нём самим. Так уж устроен человек: падающего – подтолкни.

С моим другом Володей Опоркиным, мелиоратором, мы учились с ним на одном курсе, устроились в девятом ряду в левом крыле зала. Наши, институтские, расположились в тринадцатом ряду, в правом крыле зала. Я оглядел их.

Присутствовали Комарович Владислав Афанасьевич, секретарь партийного комитета института, Романова Галина Калиновна, главный инженер и по совместительству председатель местного комитета, Мазаева Клава – секретарь комитета комсомола. Рядом сидели Зоя Бояркина – почвовед, дальше Стеблёв Женя – геоботаник. Не было Рубановича, директора нашего института. Я осмотрел весь зал – Рубановича не было. Интересно, посчитал ли он собрание ненужным делом, или Опоркин прав – чего им тут время терять – активы делят.

Собранием руководил Баранов Сергей Сергеевич, заместитель председателя райисполкома. Он курировал науку, проектные дела, информацию. Все его знали. Он знал всех. Мужик он был компанейский, доступный, как о нём говорили, умница, часто бывал в Москве, много знал. Ходили слухи, что его готовят на роль первого секретаря обкома партии. Все, кому доводилось с ним встречаться, говорили о нём хорошо.

Я тоже был у него раз по поводу какой-то закавыки с проектами землеустройства. Запомнилась его манера разговаривать. Выслушав суть дела, Сергей Сергеевич сказал: ты прав, надуманное это дело. Сошлись на меня. Давай протокол, завизирую. Завизировал.

– Ты вот что мне скажи. Это у нас Ульяновский совхоз?

– Это лесостепь.

– Ты сам там был?

– Был.

– Ты скажи мне, как там люди живут?

– В каком смысле?

– В смысле, интересно ли людям жить или так – абы день до вечера. Ты в гостинице ночевал?

– Нет, гостиницу они пока не достроили. Меня агроном пригласил к себе, у него переспал.

– Выпили?

– Я не пью.

Сергей Сергеевич посмотрел на меня с недоверием.

– Я приеду к ним, мне они душу не откроют, я для них областной начальник. А ты, с одной стороны, человек с улицы, а с другой – причастен к нашему общему делу, все мы земледельцы. С тобой им любо поговорить, приоткрыть душу. У другого спросишь: как живёшь, чем дышишь? Да нормально, говорит, для полного счастья не хватает колбасы в магазине. Колбасой обеспечили: десять сортов завезли. Ну, как? – спрашиваю. Так он морду скривит: одиннадцатого не хватает. И вот без этого одиннадцатого сорта он места себе не находит. И работа у него из рук валится, и жена – не жена, и дети – не дети.

Теперь он в единственном числе сидел за столом президиума и руководил собранием.

В зале появился Гена Лапницкий в своём жёлто-зелёном спортивном свитере. Гена представлял свой «Урожай», спортивное общество, в котором он занимал руководящий пост. Осматривая зал и выбирая место, где бы ему сесть, он увидел нас с Володей и подошёл к нам поздороваться.

– Вы на меня место не заняли?

– Не думал, что и ты перестраиваться придёшь.

– Все, кто ест хлеб и любит кашу.

Народ борзел.

– Как жить будем, Сергей Сергеевич? – кричали из зала.

– Жить будем весело, – сохраняя на лице улыбку, отвечал Сергей Сергеевич.

У него зазвонил телефон. Сергей Сергеевич выслушал и обратился к залу:

– Пока наши вожди задерживаются в обкоме, есть предложение начать работу высокого собрания. Нет возражений?

– Нет! – весело закричали в зале. – Начинаем.

Особенно отвязно себя вели молодые учёные. Два парня в компании девушек, они занимали место в центре зала, в районе третьего-четвёртого ряда, один в кожаной куртке, лысеющий, с бородкой сидел в кресле, раскинув широко ноги, что-то весёлое громко рассказывал девушкам, и те закатывались в хохоте. Второй – высокий, под два метра, постоянно вскакивал, ходил по рядам, разносил какие-то не то газетки, не то агитационные листки, но тоже со смешным текстом. Молодежь балдела.

– У кого, что наболело на душе, прошу обнародовать, – сказал Сергей Сергеевич. – Послушаем, чем живут люди, что ждут люди.

Он смотрел поверх голов молодых людей, не замечая их проделок и как бы говоря: «Порезвитесь, поиграйтесь, всё придёт в колею свою».

Наша Галина Калиновна не была бы Галиной Калиновной, если бы не напросилась на выступление. Галина Калиновна подняла руку. Она хотела бы начать своё изложение накопившихся проблем. Но Сергей Сергеевич перебил её и предложил ей подняться на подиум и воспользоваться трибуной. Прижимая юбку к бедру и глядя себе под ноги, Галина Калиновна прошла по ряду. Сидевшие в ряду поджимали ноги, когда она проходила мимо. Вскинув голову, Галина Калиновна быстро прошла, почти взбежала к трибуне. И сказала, что действительно беспокоится о состоянии нашей науки и вот почему: почвенное, а вслед за ним, естественно, и геоботаническое обследование было выполнено при помощи авиации, были изготовлены карты, а потом они были отдешифрованы вручную. Качество материалов высочайшее. Мы пользуемся ими, и полученные результаты нас вполне удовлетворяют. Но прогресс есть прогресс, и уже в обозримом будущем авиацию заменят космические аппараты. Я всё это понимаю. Я не из тех людей, кто ложится поперёк его дороги. Но мы должны

понимать, что переход с одной технологии на другую потребует времени, и скорее всего, продолжительного. Космос – дело дорогое. Мы можем оказаться без так необходимых нам картографических материалов.

– Рассчитывает до пенсии дотянуть, – расшифровал Опоркин заботу Галины Калиновны. – Ей, по-моему, до пенсии ещё года три.

– Понятно.

– Я очень озабочена. Как говорится, не выплеснуть бы ребёнка с мыльной водой.

– Спасибо, Галина Калиновна, – по-прежнему весело сказал Сергей Сергеевич. – Я думаю, учёные нас не подведут. Традиции у нас замечательные. А космос – наша надежда.

– Не в этом дело, – с места сказал Кирзинский, не дожидаясь, когда ему дадут слово.

Кирзинский работал в «Сибирской газете», и все его знали. Когда он заговорил, в зале притихли, и все стали смотреть на Кирзинского и прислушиваться к тому, о чём он говорит.

– Как только в стране изменится политический строй – изменятся собственники. Они давно уже поделили активы, дело за законодательной базой. Вас с вашими почвенными картами выбросят из ваших институтов в первую очередь. Дело, которое будет приносить прибыль, обретёт новых хозяев. Дело, которое не будет приносить прибыль, потеряет смысл. Вас выбросят на улицу, и вы пойдёте торговать пирожками, чтобы не умереть с голода.

В первом ряду, как раз напротив Баранова, сидел Бугаенко. Фигура тоже известная в городе: боксёр, чемпион России, здоровый парень, наголо стриженный, в мягком спортивном костюме. Рядом с ним сидели два его товарища – две копии Бугаенко помоложе его, наголо стриженные, в спортивных костюмах. На Бугаенко они поглядывали как на божество, как

поглядывают молодые бульдоги на своего хозяина, ожидая от него команду.

Крамольная речь Кирзинского насторожила Бугаенко. Настороженность Бугаенко передалась его молодым товарищам. Они, похоже, не понимали смысла сказанного Кирзинским, но чувствовали, что Кирзинский именно тот человек, с кем им придётся сегодня иметь дело.

Сергей Сергеевич же понимал, что руководство собранием уходит из его рук, разговор принимает серьёзный оборот. Сергей Сергеевич усилием воли старался удержать на лице весёлое выражение.

– Виктор Васильевич! Вы глубоко копаете. Народ не даст себя обмануть. Партия крепко держит в своих руках рычаги управления всеми процессами в стране.

Его лицо улыбалось, и было непонятно, серьёзно он говорит или иронизирует.

– Святой вы человек, Сергей Сергеевич! Какой народ? Какая партия? Кто его, когда спрашивал? Народ безмолвствует. А партия сегодня – это предмет насмешек.

– Семьдесят лет вы сидели на шее у этого народа, и вам было комфортно, а как попросили вас слезть с его шеи, вы заартачились, – сказал Бугаенко.

– Вот и они – передовые отряды новой власти, полюбуйтеесь.

Зал притих. Все с интересом стали смотреть на пикирующихся мужиков.

– Ты что, грозишь мне? – спросил Бугаенко.

Он поднялся со своего места и направился в сторону Кирзинского. Двое молодых его бойцов поднялись со своих мест и пошли за своим кумиром, прикрывая его с тыла. Бугаенко махнул в их сторону рукой – мол, сидите, ваше время ещё не

пришло. Молодые люди сели на свои места, но было видно, как пламя деятельности поджигает их.

Бугаенко подошёл к Кирзинскому и положил растопыренную ладонь левой руки ему на голову.

– Убери руку! – грозно сказал ему Кирзинский и попытался высвободиться из-под его руки. Тяжёлая лапа Бугаенко давила его сверху, Кирзинский своей рукой попытался сбросить её со своей головы, но Бугаенко схватил голову Кирзинского обеими руками и резко ударил его лицом о вскинутое колено.

Мне со своего места видно было, как кровь фонтанчиками брызнула у Кирзинского из ноздрей и стала течь небольшими волнами. Глаза Кирзинского закрылись, тело его стало оседать. Кирзинский потерял сознание. Кровь текла на его белую рубашку. Женщина, которая сидела рядом с Кирзинским по правую руку, быстро поднялась и, стараясь не испачкаться кровью, достала из сумочки носовой платок, стала затыкать им Кирзинскому ноздри. Видно было, что работа с кровью была знакома ей.

Потом она подняла голову и искала глазами кого-то в зале, но видно было, что не нашла этого человека, попросила зал вызвать скорую помощь. Бугаенко через плечо взглянул на успокоившегося там Кирзинского, и пошёл на своё место в первом ряду. Сергей Сергеевич, как бы очнувшись от того, что он только что видел, сказал кому-то из своих, чтобы вызвали скорую помощь. Ему ответили, что скорую помощь уже вызвали. И действительно, минут через пятнадцать в зал вошли четверо молодых парней в белых халатах с носилками в руках. Их сопровождала врач, женщина лет сорока, тоже в белом халате. Видно было, что виски у неё начинали седеть. Бригада направилась к телу Кирзинского.

Женщина, которая вытирала с Кирзинского кровь, что-то сказала врачу. Та выслушала её, наклонив голову, и покачала

головой в знак того, что она всё понимает. Кирзинского уложили на носилки и в полной тишине понесли из зала.

– Что делать будем? – спросил Сергей Сергеевич у зала и не глядя на Бугаенко.

Весёлое выражение сошло с его лица. Оно стало бледным и озабоченным.

Зазвонил телефон. Сергей Сергеевич приложил его к уху, выслушал и сказал: «Я всё понял, Алексей Александрович». И обнародовал залу: «Алексей Александрович предлагает провести собрание без него».

И тут же зазвонил телефон Бугаенко. Бугаенко встал и, как докладывает младший по чину старшему, доложил:

– Говорить здесь некому, Андрей Семёнович, и не о чем – всем всё ясно. Козырей у них нет. Один тут было попытался оскорбить меня, пришлось указать ему его место. Нет, никого не надо. Хорошо. Я понимаю, Андрей Семёнович. Слушаюсь, Андрей Семёнович.

